

2213. МИЛЛИОН УХИЩРЕНИЙ...

КАК правило, режиссер выбирает или старается выбрать пьесу, созвучную его творческой индивидуальности. У талантливого режиссера много возможностей подсказать драматургу, что надо сделать, чтобы пьеса его стала ярче, художественнее, идейно сильнее. Об этом немало мудрого говорил К. С. Станиславский. Но тут же прибавлял: театр во многом может помочь, исправить пьесу, но не ее идею, не замысел автора, то, ради чего она написана.

Могущественно искусство режиссера, но не беспредельно. Когда идея пьесы решена автором неверно, не помогут никакая эрудиция режиссера, никакой талант. Правда, режиссер Б. Равенских держится иного мнения, о чем он и сообщает в вычурной беседе, опубликованной в № 15 журнала «Театральная жизнь». Равенских полагает, что можно прикрыть недостатки пьесы, ибо «для этого у него (режиссера.—В.З.) есть в запасе миллион ухищрений — мизансцены, паузы, свет, музыка, движение, статика плюс все богатство форм режиссерского видения пьесы...».

Делается это так. Режиссер читает пьесу, скажем, «Козыриху» молодого автора В. Курочкина (опубликованную в журнале «Театр» № 4 за 1957 год). Эта пьеса давала материал для работы с театром, хотя и очевидны были ее серьезные недостатки: некоторая бытовая приземленность, неясность характера героини, невыразительность, или, вернее сказать, незавершенность характеристик других действующих

лиц. Но все это можно было поднять, завершить, опозитизировать, четче определить идейную сторону пьесы, и не столько средствами театра, сколько дополнительным трудом самого автора. Для этого не надо было «миллиона режиссерских ухищрений». Автору надо было помочь подняться над бытом, дать ему возможность увидеть свою героиню в будущем, точно определить то недюжинное, талантливое, что чувствовалось в «козырихе».

Помощь была действительно оказана, и пьеса была дописана, и не столько «средствами театра», сколько усилиями соавтора (подчеркиваем — соавтора) в лице режиссера Б. Равенских. Соавтор, талантливый режиссер, со своим видением жизни, со своими воззрениями на природу театрального искусства, внес в пьесу свой режиссерский эквивалент. Он, с одной стороны, сократил бездейственное многословие персонажей, перемонтировал сцены и сценки, убрал некоторых персонажей, «не работавших» на сюжет, на тему, заострил черты Пеки, деда Ермолая, отчасти Мити Козырева, мужа Даши, уточнил «отрицательность» такой личности, как колхозный бригадир Побегулин. А главное, опозитизировал, сделал лиричным образ Даши. Но при этом придал молодой советской женщине и чужеродные черты, чем-то напоминающие то блокостскую «незнакомку», то гауптманскую Розу Берндт, то героиню чеховской повести «Слу-

чай на охоте», то Катерины из «Грозы».

У нас нет возможности все это анализировать (пусть это сделают на обсуждении спектакля и пересочиненной пьесы), но приведем все-таки один пример. В пьесе «Козыриха» есть сцена, в которой Митя объявляет о том, что его вызывают на экзамены. Сцена кончается так:

«Митя. Эх, и заживем же мы с тобой! В кино будем ходить кандый день, в театр через день.

Дарья. Когда едешь?

Митя. На этой неделе... (подходит к Даше и целует ее в щеку).

Дарья (отстраняясь). Тебе белье постирать?».

А как выглядит эта сцена в пьесе «Сердце девичье затуманилось...»?

Автор, режиссер, спектакль

После слов Мити: «Эх, и заживем же мы с тобой!», — следует ремарка: «За сценой слышна песня Антона. Песня растет, ширится. Дарья бросается к Мите.

Дарья. Митя, отложи на будущий год, провалишься, ты не совсем подготовился.

Митя. Не провалюсь, Даша, на зло всем выдержу.

Дарья. Митя!.. Не уезжай, прошу тебя, не уезжай.

Митя. Что ты, Дашенька, что ты? Как можно, как можно?

Дарья. Не надо, Митенька, не надо!».

В спектакле Московского драматического театра эта сцена получает еще более конкретное эмоциональное выражение. И в интонациях артистки З. Кириенко, играющей Дашу, мы отчетливо слышим интона-

ции... Катерины из «Грозы», умоляющей не уезжать Тихона.

Сцена эта поставлена соавтором, то есть режиссером, темпераментно, страстно, актриса играет это место с большим драматизмом. Но неумели талантливы Б. Равенских не слышит и не видит в этой сцене только реминисценцию?!

И таких реминисценций в пьесе и спектакле немало, ибо соавтор, он же режиссер спектакля, подчинил своей воле неопытного драматурга и стал выдергивать из своей театральной памяти «все богатства форм режиссерского видения». Иногда это даже выходило интересно, занимательно, развлекательно, даже нежные эмоции вызывало. Но удивили ли все эти ухищрения идею пьесы? И тут мы скажем решительно: Нет!

КАЖУЩИЙСЯ драматизм спектакля — это только режиссерская ретушь, это все из запаса «миллиона ухищрений». Будем

справедливы: во всем этом много чисто режиссерской выразительности, как в построении мизансцены, так и в деталях характеристики действующих лиц. Артисты легко подчиняются заданиям режиссера, и некоторые из них играют с настроением, убежденно. Особенной выразительности достигает артистка З. Кириенко. Она легка, пластична, хорошо пользуется психологическими «паузами». Мы даже на какой-то момент готовы поверить переживаниям ее Даши. Но проходит миг театрального очарования, и возникает естественный вопрос: кого играет З. Кириенко? Молодую советскую женщину или вариацию на предложенный психологический этюд, явно носящий на себе черты

литературных воспоминаний и подражаний? Во всяком случае, нам непонятно упорное желание Даши не работать в горячую колхозную страду, непонятно, почему она, гордая, самолюбивая женщина, живет семь лет с нелюбимым и неумным мужем, непонятно, откуда вдруг в ней рождается желание стать свинаркой и, подобно ее мужу, зубрядящему кодекс о браке, семье и опеке, возбуждать рации питания подопечных ей поросят.

Непонятно и само название пьесы «Сердце девичье затуманилось...» Ведь героиня ее — замужняя женщина, живет с мужем семь лет! Эти «непонятно» легко продолжить. Эдетая (именно эдетая) в пьесе и в образе Даши тема о преобразующей силе труда кажется чужеродной всему, что происходит на сцене. А на сцене происходит обычная театральная мелодрама о неразделенной любви. К этой теме «присочинен» колхоз, его люди, дела, заботы, огорчения и радости. Но все это только фон.

Б. Равенских любит «освободить» искусство от «будничности», от бытовой закорючлости. Мы разделяем это стремление режиссера. Действительно, нам не нужно серости, тусклости, заурядности. Нам очень нужны пьесы о больших чувствах, о красоте человеческих действий, о большой, красивой любви. Но в спектакле «Сердце девичье затуманилось...» мы не заметили этой красоты больших чувств. Автор спектакля не поднял идею пьесы молодого автора, а только сделал ее душещипательной, сентиментальной, приторно-слащавой. Нужно ли это в нашем искусстве? Думаем, что нет. Очевидно, так думает и Б. Равенских, но только думает, а делает иначе...

В. Залесский.

Воскресенье Москва

18. IX. 59.